

Е. Р. Обатнина

МАТЕРИАЛЫ А. М. РЕМИЗОВА В АРХИВЕ Р. В. ИВАНОВА-РАЗУМНИКА

Обширные литературные контакты Иванова-Разумника предопределили значительность коллекции рукописей и книг его архива.¹ Среди сохранившихся автографов писателей и поэтов, чье творчество составило литературно-исторический контекст начала века, большой корпус материалов относится к А. М. Ремизову. До последнего времени эти документы, ввиду чрезвычайно плохого состояния, находились в реставрации и оставались вне поля зрения исследователей.

Художественная манера и нравственный поиск Ремизова всегда отвечали критико-мировоззренческим принципам Иванова-Разумника. Внимательно наблюдая за творческим развитием писателя, всесторонне осмысливая построение сюжетных линий и образов его прозы, критик стремился вывести из, казалось бы, частных вопросов индивидуального мастерства общие закономерности литературного процесса. В статье «Творчество Ремизова», завершённой осенью 1911 г., он отмечал: «Интересно сравнить редакцию собрания его сочинений (1911 г.) с первоначальным текстом тех же произведений: ценнейший материал для изучения психологии и эволюции творчества! Сравните „Часы“ или „Пруд“ первых изданий (1905 и 1907 г.) с текстом этих же романов в собрании сочинений — почти ни одна фраза не осталась без изменений, некоторых страниц узнать нельзя. К изучению всего этого когда-нибудь еще вернется русская критика».²

К этому времени относится намерение Иванова-Разумника написать статью, посвященную эволюции современной литературы от «декадентства» к «новому реализму», которую критик связывал, в первую очередь, с именами В. Брюсова, Ф. Сологуба и А. Ремизова. В письме от 6 октября 1911 г. он просил Ремизова: «...когда будете высылать мне отпечатанные листы „Пруда“ — вышлите мне (поскорее) и первую редакцию,³ — „Часы“ я внимательно читал параллельно в двух редакциях; то же сделаю и с „Прудом“. Хочется проследить и читателям показать — эволюцию бывшего „декадентст-

ва».⁴ И хотя заявленная в письме тема не была тогда реализована,⁵ в личном архиве Иванова-Разумника сосредоточились важные материалы, относящиеся к творческой лаборатории писателя.

Особый интерес вызывают черновая и наборная рукописи повести «Крестовые сестры».⁶ В конце черновой редакции рукой Ремизова указано место ее написания: «Жданы. Борович<ского> уезда. Новгород<ской> губ<ернии>. 1910». Наборная рукопись (часть листов утрачена), в которой имеются авторская правка, вставки нового текста, а также корректорские пометы, завершается указанием: «Аландские острова. Wandrok. 1910». Рукописи представляют собой две тетради в линейку, переплетенные после реставрации.

Замысел повести возник в конце сентября 1909 г., а в целом работа над рукописью была завершена летом следующего года на финском острове Вандрок, где Ремизов жил по приглашению Иванова-Разумника. 9 августа писатель сообщал И. А. Рязановскому: «И опять пишу Вам <...> в дни моих скорбей — опять я захворал вовсю. Сижу я все над „Крестовыми сестрами“ — третий месяц идет. Но не от лениости тяну, Вы знаете, третий раз переписываю с отделкою. <...> 10-го (имеется в виду июль 1910 г. — Е. О.) меня увез к себе (г. Боровичи, Новгородск<ая> г<уберния>, имение Жданы) Е. В. Аничков <...> У Аничкова сидел я по 18-и часов над повестью моей и очень изморился. <...> с 30 июля здесь на Аландских островах у Иванова-Разумника. На этой неделе, в крайнем случае на той — в Петербург».⁷ В книге воспоминаний «Петербургский буерак», описывая историю «Крестовых сестер», Ремизов утверждал, что текст претерпел пять редакций; из них «последнюю читал Иванов-Разумник».⁸ Письмо к Рязановскому позволяет соотнести количество редакций с рукописями, сохранившимися в архиве Иванова-Разумника: написанная в Ждани — была второй редакцией, а завершенная на острове Вандрок — последней.

22 августа, сразу же после отъезда Ремизова с Аландских островов, Иванов-Разумник спешил поделиться с автором своими первыми впечатлениями: «Ваши „Крестовые сестры“ все не идут у меня из головы — пришибли Вы меня ими; давно не приходилось читать ничего подобного. А вот только что пришло мне в голову: заглавие — „Кр<естовые> с<естры>“ — хорошее и говорящее; но мне придумалось другое, которое дает повести обобщающий смысл: „Бурков двор“, — как Вам покажется? Ведь Бурков двор — это не двор, это даже не Петербург, это чуть ли не вся Россия измученная, страдающая, пьющая настой на навозе и ищущая спасения в „Париже“. И ведь дело не в одной Вере-Верочке-Верушке и в их крестовых сестрах, а во всякой изнасилованной душе человеческой — а в таком случае заглавие „Крест<овые> сестр<ы>“ является требующим пояснения, <т.> е. что и Маракулин и др. — тоже „крестовые сестры“. — Все это, однако, Вам виднее».⁹

Повесть еще не вышла в свет, а Иванов-Разумник принялся сразу за несколько статей, адресованных различным периодическим изданиям. Однако, эта работа столкнулась с обстоятельством, которое можно назвать курьезным. Совершенно неожиданно для критика уединенная жизнь на Вандроке стала материалом одной из

анонимных газетных заметок, в основу которой легло интервью с писателем: «А. М. Ремизов, проведя некоторое время в течение этого лета в Финляндии, поселился на небольшом пустынном острове Вандрок (в группе Аландских островов) в нанятом доме, в семействе г. Иванова-Разумника. Остров совершенно безлюдный, жителей — один рыбак. Густой лес, скалы и песок. Много грибов и брусники и ... ни следа цивилизации. Нет ни почты, ни лавок, ни аптеки, ни врачей. Провизию добывали с мимо идущих пароходов. За лето А. М. Ремизов написал большую повесть „Крестовые сестры“, которая пойдет в ближайшем альманахе „Шиповника“».¹⁰

Столь бесхитростный рассказ вызвал у Иванова-Разумника возмущение: «Сегодня буду браниться с Вами, Алексей Михайлович: ну что это Вы со мной делаете? Мало того, что Ваши „Шиповники“, будь они неладны, не прислали мне корректурных листов „Крестовых сестер“, о чем я их просил; мало того, что статью свою я должен был поэтому написать по памяти (и перепутал, вероятно, не мало), — а тут еще получаю от Вас вырезки из „Утра России“, где встречаю свою фамилию. Зарезали Вы меня этим: теперь статью мою мне в пору хоть назад требовать из „Русск<их> Ведомостей“; так это не вовремя вышло! А ведь как я Вас всегда просил-молил: не поминайте Вы, Бога ради, имени моего в своих беседах с газетными репортерами! Терпеть не могу читать в газетах не о своих книгах, а о себе самом; а тут еще про Ремизова в семье Иванова-Разумника — как раз в то время, когда Иванов-Разумник пишет о вещи Ремизова, написанной в семье Иванова-Разумника... Ну, как же мне не сердиться? И почему Вы не могли рассказать про Вандрок, умолчав обо мне? — Если обещаете впредь со мною так не поступать, то уж так и быть, перестану браниться. А все-таки — подвели Вы меня».¹¹

Тем не менее, критические произведения Иванова-Разумника увидели свет. Первой вышла статья под названием «Бурков двор»;¹² следом за ней — «„Крестовые сестры“». Статья Иванова-Разумника, подписанная: «Август 1910 г. Wandrock», где говорилось, что новая повесть Алексея Ремизова «должна быть признана одним из самых выдающихся произведений последнего времени».¹³ Наконец, в «Речи» была напечатана наиболее пространная работа под названием «Между „Святой Русью“ и обезьяной (Творчество Алексея Ремизова)».¹⁴ Уже после этих публикаций Иванов-Разумник, сравнив две редакции, обратил внимание на некоторые элементы повествования, изъятые автором из окончательного текста. О своих наблюдениях он писал Ремизову 23 сентября 1910 г.: «А по поводу „Кр<естовых> с<естер>“ я еще с Вами говорить буду. Я их еще раз перечитал, вместе с рукописными редакциями; есть два-три возражения, о которых я не говорил в статьях. Кстати, во 2-ой редакции¹⁵ встретил я знакомых: „Ломоносова из немцев“ и какой-то учитель, вылитый В. В. Хорошо, что Ломоносова зачеркнули — а то Лемке прямо бы съел меня живьем!».¹⁶

В упомянутом фрагменте второй редакции действительно фигурирует «Ломоносов из немцев» — персонаж, прототипом которого послужил Михаил Константинович Лемке (1872—1923) — историк,

публицист, управляющий типографией и книжным складом в издательстве М. М. Стасюлевича: «У Маракулина после летней удачи с перепискою опять ничего не было. Случилось в это время в Петербурге перепись автомобилей, велосипедов и собак. <...> И с неделю ходил он по всяким бурковым и бельгийским дворам собак считал и что-то рублей семь получил <...> После собак Маракулин уж составлял каталог детских книг и, с детьми покончив, за какой-то именной указатель принялся, причем в первый раз увидел и, должно быть, немаловажное, лицо в книжном деле, по фамилии в роде Ломоносов, из немцев. Этот Ломоносов, сделав указания для указателя и, предложив гроши, дружески распростился с Маракулиным: — Восемь часов работать, восемь часов отдыхать, восемь часов спать — дружески сказал Ломоносов из немцев и чем-то напомнил Маракулину того московского пристава, который после одного несчастного столкновения, препровождая Маракулина с городовым в участок, не менее дружески распростился: — Почетный гражданин Маракулин, пожалуйста в участок, — дружески сказал тогда пристав, ну ей Богу, совсем, как теперь этот Ломоносов о восьми часах».¹⁷

Сокращения, отмеченные критиком, приоткрывают небольшой сюжет из биографии Ремизова, восходящий к одному из самых мрачных периодов его жизни (1906—1909 гг.), когда писатель оказался практически без средств к существованию. Он и в самом деле брался за любую работу, вплоть до переписи собак. Материальные трудности усугубились психологическими переживаниями после обвинения в плагиате и остракизма со стороны издателей. Выйти из затруднительного положения ему пытались помочь многие (Гиппиус, Философов, Розанов), но, пожалуй, наиболее реальным оказалось предложение Иванова-Разумника принять участие в подготовке собрания сочинений В. Г. Белинского, которое выходило в издательстве Стасюлевича. Позже Ремизов вспоминал: «Р. В. Иванов-Разумник, с которым познакомились о ту пору, достал нам работу: сверять Белинского. Но эта работа скоро кончилась».¹⁸

В письме к М. К. Лемке от 4 октября 1909 г. Иванов-Разумник сообщал: «Ремизов прекрасно выполнил данную ему кропотливую работу; он будет у Вас в Типографии», во Вторник, (6/Х), около 12^{1/2} дня — сдаст законченную работу и возьмет предыдущие годы „От<ечественных> Зап<исок>“ — если Вы их приготовите к тому времени».¹⁹ В следующем письме от 6 октября содержалась просьба: «Нельзя ли дать А. М. Ремизову, в счет совершенной работы, рублей 10—15? Он очень в них нуждается и в то же время стесняется их попросить у Вас».²⁰ 17 октября Иванов-Разумник выступил с инициативой передать Ремизову составление именного указателя: «Мы с Вами говорили уже о составлении указателя имен; это будет очень ценно для издания. Т<ак> к<ак> издатель — Вы, а след<овательно> и уплата гонораров — Ваше дело, то сообщите мне: согласны ли Вы поручить составление указателя имен А. М. Ремизову, за сумму 25 р<ублей>? Эту работу он будет делать исподволь, по мере печатанья листов».²¹ Очевидно, Лемке ответил согласием, поскольку в письме Иванова-Разумника от 26 января 1910 г. речь уже шла о 25 рублях в виде аванса для Ремизова: «Я со своей

стороны уверен, что работу он выполнит до конца и хорошо, и готов быть поручителем — вернуть эти 25 р<ублей> в случае чего». ²² Работа была закончена к октябрю 1910 г. ²³ Вполне понятно ироническое удовлетворение Иванова-Разумника по поводу изъятия сюжета о Ломоносове из печатной редакции «Крестовых сестер».

Учитель, напомнивший критику «В. В.» (т. е. Василия Васильевича Розанова), — «старый русский литератор» Лымарев из шестой главы второй редакции: «Лымарев, горбаченький живой старичок, осведомившись сперва у Анны Степановны, замужем ли она и есть ли дети и пожалев, что после развода она не вышла замуж и детей у ней нет, и до конца рассказа недослушав и т. д.». ²⁴ Очевидно, ассоциацию с философом вызвало повышенное внимание героя к вопросам семьи, деторождения и пола, свойственные Розанову: «Душа и пол <...> для него идентичны, тождественны; и именно исходя из „пола“ входит В. Розанов в Душу Мира, подходит к Великому Пану, Великому Целому. Пол для В. Розанова — это в с е, то Pân, всеобщий синтез». ²⁵ В канонический текст «Крестовых сестер» Лымарев не попал, ²⁶ а весь сюжет, связанный с «обмундировочными деньгами» учительницы Анны Степановны был значительно сокращен.

Вторая редакция «Крестовых сестер», сравнительно с окончательным текстом, содержит и другие дополнительные подробности жизнеописания главного героя, которые коррелируются с дословными цитатами из писем Ремизова 1900-х годов, а также метаописаниями, впоследствии не раз использованными в его автобиографической прозе. ²⁷ «Особенного — выдающегося в жизни моей не случилось: <...> Хотел быть кавалергардом, разбойником и учителем чистописания», — писал Ремизов А. Н. Чеботаревской в 1907 г. ²⁸ Это признание вариативно отразилось в двух редакциях. В третьей главе черновой рукописи имелась характеристика: «Петр Петрович с детства молился Богу. Когда хотел он быть кавалергардом, он молился, чтобы Господь сделал так, помог ему сделаться кавалергардом, когда он хотел быть разбойником, в тех же словах он молился лишь с заменой кавалергарда разбойником <...> ²⁹ и так же молился, когда хотел быть Сократом-философом и так же молился, когда хотел быть учителем чистописания». ³⁰ В переработанном виде этот фрагмент вошел в окончательный текст: «Когда в детстве хотел Маракунин быть *кавалергардом*, он молился, чтобы Господь сделал так, помог ему сделаться кавалергардом, а когда хотел быть *разбойником*, то в тех же словах молился, лишь с заменой кавалергарда разбойником, и так же точно молился, когда хотел быть *учителем чистописания*». ³¹ В четвертой главе черновой редакции тема самоидентификации героя снова возобновлялась, но впоследствии была изъята: «А чего хотел Маракунин, считавший себя ни на кого не похожим и самим по себе, чувствовавший когда-то, что ему не тридцать лет, а ну лет двенадцать, беззаботный когда-то и веселый, скоморох веселый, а теперь запрещенный?

Маракунин хотел быть кавалергардом, разбойником, Сократом-философом, учителем чистописания...». ³²

В отличие от канонического текста, черновая рукопись содержит разночтения в фамилиях и именах героев. Главный персонаж Петр Алексеевич Маракулин здесь именовался Петром Петровичем; жилец Буркова дома, доктор медицины Виттенштаубе носил фамилию Нотенгейм; паспортист Еркин имел фамилию Коченков. Безымянная в черновой редакции горничная хозяина дома в окончательном тексте получила имя Сусанна; швейцар Петр впоследствии заменен на Никанора, воры, называвшие себя студентами (Шибанов и Коченков), обозначены как Шибанов и Осташев; артисты Подосиновы или Подоскины переименованы в Дамаскиных и т. д. Имя хозяйки квартиры Маракулина по тексту черновой редакции варьируется: Адония / Аглая Ивойловна. Пурховецкий учитель словесности Лещев во второй редакции был обозначен фамилией Сергеев. Хозяйка, сдававшая квартиру пурховецким учителям, Павлина Поликарповна в первоначальном варианте именовалась Лукерья Феофиловна. Техник Живорев из пятой главы второй редакции переименован в Цыганова, Стрикачев — в Стракунова, Дунаев — в Котова, Федотов — в Полянского. Также в процессе переработки было изменено местоположение отдельных эпизодов. В ряде случаев произошла замена географических названий. Например, по тексту второй редакции в конце повести соседи Маракулина отправляются «вместо Парижа куда-то в Куоккалу», а не в Тур-Киля, как в окончательном варианте.

К числу фрагментов, не вошедших в третью редакцию, относится эскизное описание провинциальной жизни из четвертой главы, исполненное в традициях сатирической прозы Гоголя, Салтыкова-Щедрина и Сологуба:

«Город Пурховец, воспетый местным поэтом, скромно пожелавшим остаться неизвестным, в некотором роде праматерь городов русских — колыбель России.

Пурховец — город древний
Построен на реке Смугре
При том же с пристанью отменной

В Пурховце, где городской голова при открытии памятника знаменитому русскому писателю, которого и по программе изучают не то Пушкину, не то Гоголю, заявил в своей речи Пурховецким жителям, что памятник стоит очень больших денег и потому надо беречь его, как святыню, а на сквере будочник отгонял глазующих на памятник-святыню говоря: „Проходите, тут смотреть нечего“, — где чудак-губернатор не Бурхов самоистязатель, а другой сам себе воздвиг на соборной площади мраморный обелиск с перечислением всех заслуг своих губернии, а около обелиска на столбике приютилась местная надпись: „Скорлуп подсолнечных и ореховых и других фрукт бросать воспрещается“, где полицеймейстер накануне лунного затмения приказом объявлял населению, чтобы зря не смотрели на небо, будет если облачко, где батюшки отцы Аристовуловы, Аристотелевы, Сократовы каждый раз добродушно на именинах своих повинялись, предлагая гостям своим пирог с некоторой начинкой и совсем не требующей извинения, ибо из яйца философы

мир производят, а доктора, питательность одоблив, трудным большим прописывают,³³ где исстари ловился какой-нибудь таинственный разбойник, не Соловью, а уж конечно Савицкому и Лбову по отваге нисколько не уступавший, где строили дома на зубах, на мощах и на предметах еще более чувствительных, где на пожарной каланче давно <у>же перестал ходить старик-часовой, а только всем по привычке казалось, что ходит как много подобно старику-пожарному в земле тлело, а было, как живым и из казначейства текло жалование, где на пожары били в набаты и весь город собирался, как на Пасху в церковь, где барышни, все почти поголовно мечтали сделаться актрисами, где на вечерах, когда находился чужак и подымал, как ему казалось, вопрос первой важности, пожалуй и неуместный на вечерах, ему в ответ раздавался исконно русски<й> разудалый смех, все побеждающий, победней всякой исконно-русской шапки, которою во всякую мину<ту> русский народ врага закидает, и где наконец в общественном саду по весне, напившись росы с медового березового листа так пел соловей, что весь общественный сад дрожал, все было в соловьином пении — на все колена: и бульканье и колыханье и дробь и раскат, и пленканье и лешева дудка и кукушкин перелет и гусачек и юлинья стукотня и почин и отлопочка все свисты, все трели, всякая стукотня, в тихом мирном и пыльном Пурховце жила Анна Степановна».³⁴

Сокращению подвергся также отрывок, иронически воспроизводивший обстановку санатория Волковой в финской деревне Тур-Киле, где Ремизов провел июнь 1910 г. и где, собственно, начал работу над черновой редакцией «Крестовых сестер».³⁵ После слов «явилась <и> сама Адония Ивойловна» в четвертой главе следовало: «еще с месяц прожившая в Финляндии, где-то в Тур-Киле, лечась от одышки. <...>³⁶ Адония Ивойловна действительно больше не задыхалась и легче стала, сколько потеряла неизвестно, <Но лучше если бы она и задыхалась по-прежнему, и ничего не потеряла>³⁷ по ее словам в Тур-Киле не на пуды, на килы считают, <...>³⁸ не упомянула, — потому, что теперь <...>³⁹ и добродушие свое куда-то порастеряла, некоторым образом обозлилась, что впоследствии на жильцов пало, и что сама она скоро уж сознавать стала и для очищения до Рождества еще о Иерусалиме задумалась: ехать в Иерусалим отмыться в реке Иордан и утереться плакун-травою.

По ее рассказам в Тур-Киле, где на килы считают, трудно ей было, чаю не давали и голодать заставляли и гимнастика: изволь нагишом присесть на пяточки, да руками махать, как мельница, а ведь она не девочка, ей шестьдесят два года, и массаж измучил.

— Ровно навалится на тебя хомелен либо скорпию и хоботом поганым, хвостом трясет и щиплет, плачешь, бывало, слезами и одно утешение: польза и терпишь и плачешь.

[Все вернулись. Не хватало только Верочки и вестей от нее никаких не было.]⁴⁰ Адонии Ивойловне от жильцов какая корысть: сдавала она комнаты, ни как другие петербургские хозяйки, не жила этим, а просто лишние они да и просто так. И она могла бы подождать, да будь это в прошлом году подождала бы, но теперь после Тур-Киле, где на килы вешают, билетик распорядилась

у швейцара на дверях выставить — зеленую бумажку. И в сентябре уж Верочкину комнату сдали». ⁴¹

Полностью исключен из окончательного текста сон Дуни, помещенный в пятой главе второй редакции непосредственно перед сном Маракулина:

«А снилось ей тогда в то лето, будто бы ей нужно замуж выйти, кто-то требует этого, а она и думает: как же это так, у ней уж есть кольцо, она уже замужем. И никого нет около нее, с кем бы ей посоветоваться, только будто отец ее старик-покойник — на Нижегородской служил, поездом раздавило, но совсем как живой, и уж все знает. И к нему она обратилась со слезами: „Это невысказано, — сказала она, — как же это так!“ А он отвечает: „Раз тебе говорят выйти замуж, стало быть надо“. И уж будто едет она в церковь с ним <...>⁴² извозчик скверный, ночной: переулками едут откуда-то от Воробьевых гор, переулки темные и черное платье на ней. И приехали к Воскресенью в Таганке, вошли в церковь, но с какого-то черного хода. Она упирается, тащат ее. И притащили к амвону, поставили против царских дверей, а рядом стал громадный такой бритый, как актер. Темно было в церкви и только перед жертвенником горела копейная свечка, а другая копейная — на кануне и третья такая же тоненькая перед ними. И почему начали они плясать и она и он и такие танцы — и жутко и грешно вспоминать — задирали она ноги и в иконы пихали и таскали ее куда-то, а она все плясала и все неистовее, и все распутнее. И вдруг увидела стол, покрытый белой скатертью, и полон гостями, она сидит будто на конце стола рядом с женихом своим, и на ней всего только рубаха одна изодранная вся так, что тело видно, и она не знает, что ей делать: у ней на пальце ее старое кольцо — нового почему-то ей не дали. И она крутит на пальце свое старое кольцо. А жених будто не тот же громадный, бритый, как актер, а маленький — сморщенный весь, слеповатый такой, гадкий. Крутила она, крутила кольцо, сняла его, да размахнулась и кинула, но кольцо не упало, не звякнуло, а будто в воздухе растаяло. А жених ее сморщенный весь, гадкий ощерился вдруг, словно обрадовался, и опрокинул на нее горячий стакан и обварил ей руку». ⁴³

Смысловое содержание отдельных фрагментов текста в процессе работы над повестью кардинально изменялось. Ср. диалог двух героинь в театре из четвертой главы второй редакции:

«Вера Николаевна стала рассказывать Анне Степановне всякие больничные случаи, и про какую-то сестру милосердия —

привезли в больницу ребенка — кипятком ошпарен, а чтобы операцию сделать, надо кожу, а где взять кожу — у ребенка? — не вынесет, ослаб очень, вот сестра милосердия и предложила свою. У ней и вырезали кожи, сколько надо.

— И что же? [И как же?] ⁴⁴

— Заражение крови. [Сл<ава> Б<огу> ж<ивы>.]

Анна Степановна улыбалась, по-своему [перек<рестилась>] ⁴⁵

— Оба померли. [Сл<ава> Богу]. ⁴⁶

Переработке подверглись и отдельные сюжетные линии повествования: существенно сокращена история Лизаветы Ивановны Кликачевой из третьей главы; значительно дополнено описание пьяного

брета Плотникова. Новым элементом текста явилось изображение кабинета героя, который «был разделен на две половины, на два отдела: с одной копии с нестеровских картин, а с другой две клетки с обезьянами. Между Святой Русью и обезьяной сидел Плотников, обуянный запоем <...>». ⁴⁷ Именно эта символическая композиция стала ключевым концептом в статье Иванова-Разумника «Между „Святой Русью“ и обезьяной (Творчество Алексея Ремизова)». ⁴⁸

Черновую рукопись, написанную в имени Ждань, и вандрокскую наборную рукопись разделяет чрезвычайно короткий срок — меньше месяца. Тем не менее, философский строй повести, ее поэтика, сюжетная логика существенно меняются от редакции к редакции. ⁴⁹ В этом смысле показательны разночтения в шестой главе, которая претерпела наиболее значимую переработку. В окончательной редакции усилена роль лейтмотива, призванного поставить в конгруэнтные соотношения сон и свершившуюся явь, сон и повторяющийся сон, как намек и воплощение, намек и повторный намек, удваивающий внутренний смысл происходящего.

Значимость принципа повтора в окончательной редакции видна на примере построения финала повести, который во второй редакции не соотнесен напрямую (через лейтмотивную реплику) с текстом других глав:

«И он вытнулся весь, дух захватывало и вот перепорхнуло сердце, <...>. ⁵⁰ Но не земля за ней проваливалась, за ней <1 сл. нрзб.> плыл <1 сл. нрзб.> кто-то полз, пол<з> ⁵¹ хоронясь, и вдруг увидел он волосатый горбачевский с конским волосом нос и крикнуть на крик хотел руки протянул остановить хотел, но было уж поздно. Он услышал, как кто-то, точно в трубочку из глубокого колодца сказал:

— Вот как у нас! Лежи... Больше не встанешь: одним стало меньше болотная голова.

Маракулин лежал с разбитым черепом в луже крови на камнях на Бурковом дворе». ⁵²

В окончательном тексте образ Горбачева не выражен зрительно, как в черновой редакции, а лишь озвучен роковым предсказанием, которое, помимо финала, зеркально помещено в сон из четвертой главы, куда, в свою очередь, из заключительного фрагмента второй редакции перенесен и «волосатый нос» Горбачева:

« — Времена созрели, исполнилась чаша греха, наказание близко! — нескладно, точно спросонья, потянул носом, заросшим волосом, Горбачев». ⁵³

В последней редакции заключительная глава была дополнена такими кульминационными фрагментами, как убийство генеральши Холмогоровой (в тексте второй редакции — случайное убийство некой «нарядной» дамы) и монолог Маракулина, обращенный к Медному всаднику, которые перестраивали повесть в целом. С введением в финал убийства генеральши, разрушившего маракулинскую веру в ее бессмертие, усилилась явная семантическая ориентация на Раскольникова. Изменилось имя героя (Петр Алексеевич), теперь намеренно соотнесенное с императором. Трагический в своем фарсовом звучании монолог Маракулина наследовал трагедии бедного Евгения. ⁵⁴ Таким образом, философские рефлексии

героя приобрели парадигматическую завершенность, а повесть окончательно оформилась как классический «петербургский текст», в структуре которого и городской пейзаж, и психологическая атмосфера устойчиво соединились с мифологемами русской литературы.⁵⁵

Основной корпус сохранившихся в архиве Иванова-Разумника ремизовских материалов представлен макетами томов его «Сочинений», вышедших в 1910—12 гг. в издательстве «Шиповник». Некоторые макеты после реставрации были переплетены. Листы газетных вырезок и страниц журналов продублированы на новые листы с сохранением фрагментов корректорских отметок (например, фамилий корректоров в верхнем левом углу). Вместе с тем, встречаются оригинальные титульные листы и листы с названиями глав, написанные рукой Ремизова.

Макет первого тома «Сочинений» (Рассказы. СПб.: «Шиповник», [1910])⁵⁶ составлен из страниц ранних печатных редакций с многочисленной правкой Ремизова, корректорскими и типографскими отметками. Отдельные листы утрачены.

«Неуемный бубен» (Альманах для всех. 1910. Кн. 1. С. 59—138);⁵⁷

«Царевна Мыпра» (Ремизов А. Рассказы. СПб.: Прогресс, 1910.⁵⁸ С. 43—62);

«Чортик» (Ремизов А. Чортов лог. Полуночное солнце. Рассказы. Поэмы. СПб.: EOS, 1908.⁵⁹ С. 9—48);

«Суд Божий» (Рассказы. С. 42—62);

«Жертва» (Рассказы. С. 25—42);

«Занофа» (Рассказы. С. 64—88);

«Слоненок» (Чортов лог. С. 51—71).

Макет третьего тома «Сочинений» (Рассказы. СПб.: «Шиповник», [1911]), также составлен из страниц ранних печатных редакций с многочисленной правкой и вставками автора, корректорскими и типографскими отметками. Отдельные страницы утрачены. В переплете после реставрации.

«Крепость» (Чортов лог. С. 154—161);

«Святой вечер» (Рассказы. С. 95—103; первоначальное название «По воле»);

«Без пяти минут барин» (Чортов лог. С. 165—168);

«Придворный ювелир» (Чортов лог. С. 171—178);

«Серебряные ложки» (Чортов лог. С. 115—128);

«Музыкант» (Чортов лог. С. 105—111);

«Опера» (Рассказы. С. 89—93);

«Казенная дача» (Рассказы. С. 77—88);

«Эмалиоль» (Рассказы. С. 104—131; первоначальное название «По этапу»);

«Новый год» (Чортов лог. С. 129—147);

«Бebка» (Чортов лог. С. 75—83);

«Бедовая доля» (Рассказы. С. 135—171; цикл дополнен автографами новых текстов: «Медные пятаки», «Железный царь», «Светлый и девочка в лохмотьях»).

Макет шестого тома «Сочинений» (Сказки. СПб.: Шиповник, [1911]; книга вышла свет в феврале 1912 г.) собран из печатных

текстов ранних редакций, с многочисленной правкой и рукописными вставками автора, а также с корректорскими пометами. На первом листе рукой Ремизова начертано: «Алексей Ремизов. Сказки. Посолонь и к Морю-Океану. Т. VI». О работе над томом Ремизов сообщал в письме к Брюсову от 21—22 октября 1910 г.: «...Шиповники взялись выпустить в год (1911—12) 6 томов. И приходится не переделывать, а редактировать старое и корректировать...».⁶⁰

Первая часть макета составлена преимущественно из сказок, вошедших в издание «Посолонь» (М.: Золотое Руно, 1907) и соответственно представленных страницами этой книги. Далее приводим остальные тексты, включенные в настоящий том:

«Кикимора» (Чортов лог. С. 263);

«Разрешение пут» (Чортов лог. С. 266);

«Морщинка» (Ремизов А. Морщинка Сказка. СПб.: Детская библиотека изд. «Шиповник», 1907. С. 3—16);

Фрагмент «Кот Котофеич» (Золотое Руно. 1908. № 12. С. 46—49; первоначальное название «Кот Котофей Котофеич отпускает нас к Морю-Океану»);

Фрагмент «Ремиз — первая пташка» (Альманах 17. СПб. 1909. С. 161—162);

«Собачья доля» (Солнце России. 1911. № 10 (50). С. 8);

Фрагмент «Божья пчелка» (Альманах 17. СПб. 1909. С. 159; первоначальное название «Пчелы»);

Фрагмент «Колокольный мертвец» (Свободным художествам. 1910. № 1. С. 22—24);

«Задушницы» (Золотое Руно. 1908. № 1. С. 42);

«Ангел-Хранитель» (Северное сияние. 1909. № 4. С. 44—45);

«Спорыш» (Журнал Театра Литературно-художественного общества. 1909. № 6. С. 10);

«Лютые-звери» (автограф);

«Ведогонь» (Золотое Руно. 1908. № 1. С. 43);

«Летавица» (Русская мысль. 1909. № 4. С. 46—50; первоначальное название «Ночь у Вия»);

«Копоул Копоулыч» (Жатва. 1911. Альбом первый. С. 13—15; первоначальное название «В кошеевом царстве»);

«Упырь» (автограф);

«Сон-трава» (автограф);

«Верба» (Русская мысль. 1908. № 6. С. 191—192);

«Радуница» (Речь. 1908. 1 июня, № 130. С. 2);

«Каменная баба» (Северное сияние. 1909. № 4. С. 46—47);

«Лужанки» (Свободным художествам. 1910. № 1. С. 22);

«Крес» (Золотое Руно. 1908. № 1. С. 41—42);

«Нежить» (Золотое Руно. 1907. № 7. С. 73—74);

«Коловертыш» (Утро России. 1910. 8 сент., № 244. С. 2);

«Ховала» (Золотое Руно. 1907. № 7. С. 75);

«Мара-Марена» (Цветник Ор. Кошница первая. 1907. С. 33—35);

«Марун» (Свободным художествам. 1910. № 1. С. 24—25);

«Рожаница» (Зритель. 1908. № 1. С. 2—3);

«Боли-Бошка» (Северное сияние. 1909. № 4. С. 48—49; первоначальное название «К Морю-Океану»).

Состав макета имеет существенные расхождения с содержанием соответствующего тома собрания «Сочинений». Так, по первоначальному замыслу главу «Лето красное» завершали новелла «Чур» («Посолонь», 1907. С. 28) и два одноименных стихотворения «Заключение ветра» («Чортов Лог». С. 264—265), не вошедшие в окончательную редакцию тома. Данный макет зафиксировал лишь начальный момент работы, о чем свидетельствует отсутствие посвящения Вяч. Иванову, некоторых заглавий разделов, а также другие детали оформления книги. Отдельные тексты представляют собой варианты или даже редакции, в измененном виде опубликованные в шестом томе. К ним, в частности, относится стихотворение «Плача» (в макете — «Заплачка»; автограф 1903 года).⁶¹ К названию сказки «Рожаница» вклеен вариативный заголовок — «Рожаница-Пресвятая Мать». Значительная часть текстов утрачена, в том числе, сказки «Пальцы», «Зайчик Иванович», «Зайка» (начало), «Волк-самоглот», «Весенний гром», «Белун».

На титульном листе макета восьмого тома «Сочинений» (Русальные действа. СПб.: Шиповник, [1911]; СПб.: Сирин, [1912]) имеется автограф: «А. Ремизов. Русальные действа. Т. VIII». На втором листе также рукой автора написано: «А. Ремизов. Театральные действа. Т. VIII». Макет несет следы очередной правки, которая отражает процесс создания новой редакции. Особенно значительны авторские изменения и преобразования в «Бесовском действе» и «Трагедии о Иуде Искариотском». В ряде случаев правка была проигнорирована в окончательном тексте. В состав макета включены:

«Бесовское действо» (Рассказы. С. 203—252);

«Трагедия о Иуде принце Искариотском» (Золотое Руно. 1909. № 11—12. С. 15—46);

«Действо о Георгии Храбром» (Альманах журнала «Аполлон». 1911. № 1. С. 117—162; верстка). На первом листе штамп конторы типографии издательства «Сириус» (СПб. Рыночная. 10) с датой — 11 октября 1911;

Авторские примечания к «Бесовскому действу» и «Трагедии о Иуде...» (автограф);

«Иуда предатель» (Чортов лог. С. 295—309);

Авторские примечания к «Действу о Георгии Храбром» (автограф).

Отдельный переплет после реставрации составили наборные рукописи авторских примечаний к сборнику «Доука и балагурье» (СПб.: Сирин, 1914); примечания к шестому тому «Сочинений» «Сказки» (СПб.: Шиповник, [1911]; СПб.: Сирин, [1912]), завершающиеся печатным текстом новеллы «Завитушка» (Куда мы идем? Настоящее и будущее русской интеллигенции, литературы, театра и искусств. Сборник статей и ответов. М.: Заря, 1909. С. 109—111). Материал сгруппирован по тематическому принципу, что, конечно, не отвечало авторскому замыслу, в соответствии с которым эти тексты существовали независимо друг от друга и прилагались к определенным томам собрания сочинений писателя.

В автокомментариях к «Посолони» (первая часть тома «Сказки») наблюдаются разночтения с окончательным текстом. Так, по-

яснения к «Медвежьей колыбельной песне» дополнены музыкальной фразой, записанной на нотном стане; позже этот музыкальный комментарий был изъят из шестого тома. В примечаниях ко второй части «К Морю-Океану» имеются множественные вклейки текстов из различных печатных источников в качестве примечаний. В самом начале вставной новеллы «Завитушка» и в преамбуле к ней обращают на себя внимание существенные различия между внесенной в макет правкой и окончательным текстом.

Кроме того, в архиве Иванова-Разумника находится макет сборника Ремизова «Докука и балагурье» с многочисленной авторской правкой и корректорским пометами, куда вошли обработки подлинных народных сказок, опубликованные писателем в 1905—1912 гг. и представленные первыми печатными редакциями. Книга появилась в печати 1 января 1914 года. Все заголовки на трех первых листах макета написаны рукой Ремизова. На титульном листе: «Алексей Ремизов. Докука и балагурье. Сказки». На обороте титула зачеркнуто написанное карандашом: Типография Акц<ионерно-го> общ<ества> Тип<ографского> Дела. СПб. 7 рота. 26».⁶² На втором листе: «Посвящаю С. П. Ремизовой-Довгелло», на третьем листе: «Алексей Ремизов. Народные сказки».

Сказки и легенды, опубликованные в «Докуке и балагурье», а также структура сборника существенно отличаются от первоначального варианта, зафиксированного в макете. Тексты содержат многочисленную правку автора, которая впоследствии, очевидно, претерпела дополнительные изменения. К расхождениям относятся и сохранившиеся первоначальные названия двух последних глав: раздел под общим названием «Мирские притчи» в макете назывался «Умственные», а глава «Глумы» — «Скоморошью». В первой редакции отсутствует колядный стих, композиционно и идейно завершающий сборник. Авторские примечания, выделенные в книге в главу под названием «Сказ», в макете обозначены как «Примечания». Из первой главы («Русские женщины») сохранился лишь фрагмент сказки «Оклеветанная», представленный страницами из журнала «Заветы» (1912. Декабрь. № 9. С. 19—25).⁶³ Отсутствует глава «Царь Соломон и царь Гороскат». Полностью утрачена последняя глава «Скоморошью» («Глумы»). Из авторских примечаний имеется лишь начало текста, соответствующее странице 269 в сборнике.

Из шести сказок главы «Воры»⁶⁴ сохранились только три:

«Собачий хвост» (Всемирная панорама. 1909. № 2. [С. 10—12]; при реставрации нарушена последовательность фрагментов текста); «Барма» (Наша жизнь. Иллюстрированная и литературная неделя. 1905. № 23. С. 180—182);

«Вор Мамыка» (Альманах «Шиповник». 1912. Кн. 17. С. 226—323).

Глава «Хозяева»⁶⁵ представлена четырьмя сказками из шести, опубликованных в книге:

«Чорт» (Русская молва. 1913. 14 июля, № 210. С. 2; из цикла «Хозяева»);

Фрагмент верстки «Лигостай страшный» (Сочинения. Т. 7. С. 177—178);

«Хлопотун» (Новая жизнь. 1912. № 12. С. 35—37; из цикла «Докука и балагурье»);

«Мертвец» (Запросы жизни. 1912. 21 дек., № 51. С. 260—262);
В главе «Умственные» («Мирские притчи») сохранились следующие тексты:

«Муты» (Солнце России. 1912. № 112—113. С. 14);

«Берестяный клуб» (Речь. 1912. 30 сент., № 268. С. 3);

Фрагмент «За овцу» (Заветы. 1912. № 9. Декабрь. С. 11—14; в составе цикла «Сказ и Рассказни»); соответствует с. 195—198 в сборнике «Докука и балагурье».

Макет завершается рекламным листом издательства «Сирин» с перечнем выпущенных книг Ремизова, который дополнен названиями книг «Подорожье» (1913) и «Докука и балагурье» (1914), вписанными автором.

Только катастрофически плохим состоянием архива Иванова-Разумника можно объяснить объединение в одном переплете разрозненных печатных текстов, которые, очевидно, изначально входили в состав макетов сборника «Докука и балагурье» и двух томов «Сочинений» Ремизова: пятого (СПб.: Шиповник, [1911]) и седьмого (Отреченные повести. СПб.: Шиповник, [1912]). Практически все они несут на себе следы существенной авторской правки, имеют корректорские и типографские пометы. Последовательность страниц внутри отдельных текстов нарушена.

Фрагмент «Разбойники» (Сатирикон. 1909. № 35. С. 6—7; под названием «Про мертвеца и про разбойников»); соответствует с. 123—124 в сборнике «Докука и балагурье»;

Фрагмент «Галстук» (Речь. 1911. 10 апр., № 98. С. 3—4) соответствует с. 209—210 в пятом томе «Сочинений»;

Фрагмент «Мака» (Рассказы. С. 172—192) соответствует с. 213—218 в пятом томе «Сочинений»;

Фрагмент «Рождество Христово» (Русские ведомости. 1911. 25 дек., № 297. С. 2); соответствует с. 151—164 в седьмом томе «Сочинений»;

Два листа с библиографическими заметками — автограф.

Макет главы «Паралипоменон» из седьмого тома «Сочинений» Ремизова (СПб.: Шиповник, [1912]. Т. 7. Отреченные повести. Вышел в свет в марте 1912 г.):

«Чужая вина» (Солнце России. 1912. № 2(110). С. 5; под названием «Святой работник»);

«Чудесный гость» (Скэтинг-ринк. 1910. Апрель. № 1. С. 12; под названием «Гость»). Рядом с заглавием, написанным Ремизовым от руки, зачеркнут, по-видимому, первоначальный вариант названия — «Пасхальный гость»; в седьмом томе опубликован под названием «Чаемый гость»;

«Пасхальный огонь» (Солнце России. 1910. № 25. С. 14). В названии рукой Ремизова зачеркнутый вариант — «Чудесный <огонь>»;

«Золотой кафтан» (Огонек. 1911. 25 дек., № 52. С. 5—6);

«Лигостай страшный» (Русское слово. 1911. 25 дек., № 297. С. 6; в составе цикла «Золотые легенды»);

«Царь Соломон» (Русское слово. 1911. 25 дек., № 297. С. 6; из цикла «Золотые легенды»).

Наборная рукопись авторских примечаний к первой части седьмого тома «Сочинений» («Лимонарь») с вклейками из печатных источников и типографскими отметками.

Произведения из первой части седьмого тома «Сочинений» — «Лимонарь»:

Фрагменты гранок <?> «Страсти Господни» соответствуют с. 129—135 седьмого тома «Сочинений»;

Фрагмент «Кузьма и Демьян» (Русское слово. 1911. 25 дек., № 297. С. 6, из цикла «Золотые легенды»), соответствует с. 143—147 седьмого тома «Сочинений»;

Фрагмент «Светло-Христово Воскресение» (Русь. 1908. 13 апр., № 103. С. 2; под названием «Светло Христово Воскресение»); соответствует с. 139—140 седьмого тома «Сочинений»; имеются существенные разночтения внесенной авторской правки и окончательного текста.

Кроме того, в составе архива находятся следующие наборные рукописи:

Цикл снов «Кузовок» с многочисленной авторской правкой и корректорскими пометами (Сирин. Сборник третий. СПб., 1914. С. 355—409). На обложке рукой Ремизова: «Алексей Ремизов. Кузовок. <На сон грядущий рассказы — зачеркнуто — Е. О.>. Вещь темная». Внизу листа: «Алексей Михайлович Ремизов. С. Петербург, Таврическая, 7, кв. 23». Над заглавием рукой Иванова-Разумника синим карандашом: «III сборник Сирина. Верстать в самый конец». Рядом слева чернилами: «Каждый рассказ с отдельной страницы». Подпись синим карандашом: «И.-Р.». Отсутствуют отдельные страницы: основная часть сна «По дружески»; сон «Радуница»; окончание сна «На палке»; начало сна «Живая чучала»; сон «Одна картинка»; сон «Глазатый»; начало сна «Тризна». Текст рукописи имеет ряд разночтений с печатным текстом сборника, преимущественно в названиях. Заголовок первого сна в рукописи: «Конь-великан»; в тексте сборника: «Конь-игрень». Сон третий — в рукописи: «По морю — цветам белым»; в сборнике: «По морю, по цветам белым».

Повесть «Оказион» (Заветы. 1913. № 12. С. 13—34) с многочисленной правкой автора и корректорскими пометами. Отсутствуют три последних абзаца. На первом листе карандашом рукой неизвестного: «Первая статья. № 12. Первый отдел». Слева также карандашом адрес Ремизова: «Таврическая ул., д. 7, кв. 23».

Беловые автографы стихов, в вариантах впервые опубликованных в провинциальной прессе, альманахе «Северные цветы ассирийские» и в новой редакции в книге Ремизова «Чертов Лог и Полунощное солнце»:

I. Сотворение мира;⁶⁶

II. Полезница;⁶⁷

III. Кикимора;⁶⁸

IV. Бубыля;⁶⁹

V. Кутья-Войса;⁷⁰

VI. Икета;⁷¹

VII. Заклинение ветра;⁷²

VIII. Ошка-Мёска.⁷³

Листы соединены скрепками, в конце рукописи подпись «Алексей Ремизов» и адрес «Херсон, гостиница Лондонская».⁷⁴ Создание автографов относится к 1903 г.,⁷⁵ когда Ремизов безуспешно пытался устроить публикацию своих стихов в столичной периодической печати («Новый Путь», «Ежемесячные сочинения» и др.).⁷⁶

Архив Иванова-Разумника хранит разрозненные страницы до сих пор неизвестного авторского списка так называемой «Гоносивой повести» «Что есть табак» (СПб.: Сириус, 1908; 25 экз.). Это произведение, как и другие, впоследствии вошедшие в его книгу «Заветные сказы» (СПб.: Алконост, 1920), Ремизов считал началом к созданию «русского Декамерона».⁷⁷ Ввиду эротического содержания, отчасти восходящего к апокрифическим источникам, повесть, изданная ничтожно малым тиражом, мгновенно стала раритетом. Весьма популярная в литературном и дружеском окружении писателя, она не раз переписывалась. Сохранился список, выполненный с рукописи Ремизова и принадлежавший Л. Н. и Е. И. Замятиным.⁷⁸ Однако известно, что для Н. П. Рябушинского, Ф. Ф. Фидлера и С. М. Лифаря Ремизов собственноручно переписывал «Гоносиву повесть».⁷⁹

Список из архива Иванова-Разумника представляет собой рукопись размером в четверть листа толстой голубой бумаги, с текстом, написанным черными чернилами, с красными заглавными буквами, но без ярко выраженных элементов декорирования, какие Ремизов использовал, выполняя, например, заказ Рябушинского. На одном из первых листов имеется надпись: «Этот список „Повести“ принадлежит Разумнику Васильевичу Иванову А. Ремизов». Внизу листа: «Написан „Табак“ на Святках 1906 г<ода>». Это корреспондируется с словами из письма Иванова-Разумника Ремизову от 21 апреля 1912 г.: «...в „Табак“ не хватает мне страницы 31-ой, начинающейся с нового абзаца: „Давно уж замечал старец Нюх...“ и до слов „шлепнулся окаянной да прямо мякинным своим“. Остальное есть».⁸⁰ Здесь же находятся и фотокопии разрозненных листов, возможно, сделанные с экземпляра, предназначенного для Рябушинского.⁸¹ Кроме того, в архиве имеется машинопись «Табак». На сохранившемся фрагменте титульного листа рукой Ремизова написан эпиграф. На первом листе также рукой автора: «Алексей Ремизов. Что есть табак. Гоносива повесть».

К каллиграфически исполненному авторскому списку «Табак» примыкают три документа, также отразивших художественную одаренность писателя:

1. Авторская обложка, украшенная орнаментальным рисунком и глаголическими надписями. Сверху: «Разумнику Васильевичу Иванову / в день его ангела / 1911 г. 12 декабря / Алексей Ремизов». Посередине листа крупными буквами: «Русские ведомости 1844 года». Ниже: «Принадлежат Алексею Ремизову». Предположительно, титул был оформлен для рукописи рассказа «Рождество Христово», напечатанного, не без содействия Иванова-Разумника, в рождественском номере газеты «Русские ведомости» за 1911 г. Возможно именно об этом подарке шла речь в письме Иванова-Разумника к

Ремизову от 1 декабря 1911 г.: «Если бы Вы на „именины“ мои приехали бы к нам в Царское с Серафимой Павловной — это был бы лучший подарок. А другой, „очень большого веса“ — с собой захватите (в жилетный карман влезет?)».⁸²

2. Сценографический эскиз к трагедии «Действо о Георгии Храбром», подписанный Ремизовом. Рисунок приклеен к твердой обложке, вероятно, предназначавшейся для текста пьесы.

3. Авторский эскиз обложки к книге «Русские женщины», представляющий собой сложенный вдвое лист серой бумаги, на котором красными чернилами рукой Ремизова написано: «Алексей Ремизов / Русские женщины / Народные образы». Посередине: в овале условный рисунок красным чернилами на голубом фоне. Внизу: 1917.⁸³

В контекст творческих и личных отношений Иванова-Разумника и А. М. Ремизова следует включить гранки журнала «Заветы» с неосуществленной публикацией из документального цикла Ремизова «Россия в письмах. Разорение, общественно случившееся. Письмо отечественное 1752—1814 гг.»,⁸⁴ а также четыре дарственные надписи на книгах, сохранившихся в архиве критика:

Леклер А. фон. К монистической гносеологии / Пер. с нем. А. Ремизова. СПб.: изд. Д. Е. Жуковского, 1904. 60 с.

На титульном листе: «Разумнику Васильевичу Иванову от А. Ремизова. 1908 г. мая 17».

Ремизов А. Трава-мурава. Сказ и величание. Берлин: Изд. С. Ефрона, [б.г.]. 191 с.

На обложке рукой Ремизова: «Иванов-Разумник».

На обороте обложки: «Разумнику Васильевичу Иванову-Разумнику. А. Ремизов
22.V.<19>22 Charlottenburg».

Ремизов А. Крашенные рыла. Театр и книга. Берлин: Грани, МСМХХII. 96 с.

На авантитуле: «Разумнику Васильевичу Иванову-Разумнику.

1918—1921. Алексей Ремизов

Charlottenburg. <19>22. 22.V».

Ремизов А. Шумы города. Ревель: Библиофил, 1921.

На авантитуле: «Разумнику Васильевичу Иванову-Разумнику.

22/V 1922».⁸⁵

Ранний автограф фиксирует время первых личных встреч писателя с Ивановым-Разумником. Три другие, присланные Ремизовым из Берлина, оказались последними обращениями к многолетнему спутнику, перед тем, как их судьбы разошлись на долгие годы. Характер инскриптов совпадает с суждением Иванова-Разумника о произошедшей в конце 1910—начале 1920-х годов утрате взаимопонимания: «...с ним мы склеились внешне — не внутренне».⁸⁶ Однако в истории творческих отношений каждый оставался верен себе, поэтому итоговой оценкой можно считать высказанную критиком в те же годы характеристику пути Ремизова: «Он прошел через декадентство, сильно отразившееся по форме на первом его романе „Пруд“, он дошел до вершины своего творчества в „Крестовых страха“, он дал в „Лимонаре“, в трагедиях („Бесовское действо“, „Трагедия об Иуде“, „Действо о Георгии“), в „Отреченных повестях“, в „Посолони“ — образцы новых реалистических форм, уходя-

щих корнями в глубь народного слова и древней „книжной мудрости“. <...> Вечная тема — страдание человеческое — связывает его с Достоевским не менее, чем внешняя форма — с Лесковым. Новый реализм достигает здесь своих вершин и может померяться главами с вершинами символизма русской литературы».⁸⁷

¹ РО ИРЛИ, ф. 79. О судьбе архива Р. В. Иванова-Разумника см.: *Максимов Д. Е.* Спасенный архив // *Огонек*. 1982. № 49. С. 19; а также: *Лавров А. В.* Рукописный архив Андрея Белого в Пушкинском Доме // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год*. Л., 1980. С. 23—63.

² *Иванов-Разумник*. [Сочинения]. Т. 2. Творчество и критика. СПб., [1911]. С. 109.

³ Речь идет о готовившейся к печати в издательстве «Шиповник» третьей редакции романа «Пруд» (*Ремизов А.* Сочинения. СПб.: Шиповник, [1911]. Т. 5). Издания двух предшествующих редакций романа см.: *Вопросы жизни*. 1905. № 4—11; СПб: Сириус, 1908.

⁴ Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову (1908—1944 гг.) / Публ. Е. Обатниной, В. Г. Белоуса и Ж. Шерона; Вступ. заметка и коммент. Е. Обатниной и В. Г. Белоуса // *Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре*. СПб., 1998. Вып. 2. С. 56. По-видимому, рукопись романа «Пруд», полученная Ивановым-Разумником от Ремизова, была возвращена автору в конце ноября 1919 г. См.: Там же. С. 96.

⁵ Воплощение этого замысла см. в книге Иванова-Разумника «Русская литература XX века (1890—1915 гг.)» (Пг., 1920).

⁶ Впервые: Альманахи издательства «Шиповник». 1910. Кн. 13. С. 161—297.

⁷ Российская национальная библиотека, ф. 634, оп. 1, № 31, л. 11 (далее: РНБ).

⁸ *Ремизов А.* Петербургский буерак. Встречи. Париж, 1981. С. 31. Впоследствии «Крестовые сестры» издавались еще дважды: в московском издательстве «Универсальная библиотека», с подзаголовком «Повесть» (1918) и в берлинском издательстве З. И. Гржебина (1922).

⁹ Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову. С. 39.

¹⁰ Утро России. 1910. 5 сент., № 242. С. 4.

¹¹ Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову. С. 42.

¹² Русские ведомости. 1910. 17 сент., № 213. С. 2—3. Дата публикации статьи соответствовала дню появления повести в 13-ой книге альманаха «Шиповник».

¹³ Киевские вести. 1910. 21 сент., № 253. С. 2.

¹⁴ Речь. 1910. 11 окт., № 279. С. 2—3.

¹⁵ Имеется в виду черновая рукопись, написанная в имени Ждань и сохранившаяся в архиве Иванова-Разумника.

¹⁶ Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову. С. 43.

¹⁷ РО ИРЛИ, ф. 79 (Крестовые сестры. Черновая рукопись), л. 73. Здесь и далее публикуемые фрагменты воспроизводятся в соответствии с авторской пунктуацией.

¹⁸ *Ремизов А.* Кукка. Розановы письма. Берлин, 1923. С. 49.

¹⁹ РО ИРЛИ, ф. 661, № 469, л. 44.

²⁰ Там же, л. 45.

²¹ Там же, л. 53.

²² Там же, № 470, л. 3.

²³ Собрание сочинений В. Г. Белинского в 3-х т. под редакцией Иванова-Разумника вышло в 1911 г.; составитель именного алфавитного указателя (Т. 3. С. 1011—1017) не назван.

²⁴ РО ИРЛИ, ф. 79 (Крестовые сестры. Черновая рукопись), л. 113.

²⁵ *Иванов-Разумник*. [Сочинения]. Т. 2. Творчество и критика. С. 196.

²⁶ В окончательном тексте природа построения многих образов полисемантическая. По наблюдениям А. Данилевского, характерные черты В. В. Розанова привнесены в образ Акумовны. См.: *Данилевский А. А.* A realioribus ad realia // Уч. зап. Тарт. ун-та. Тарту, 1987. Вып. 781. С. 106—107.

²⁷ Исследование автобиографических мотивов в окончательной редакции повести см: *Топоров В. Н.* О «Крестовых сестрах» А. М. Ремизова: поэзия и правда. Ста-

тья первая // Уч. зап. Тарт. ун-та. Тарту, 1989. Вып. 857. С. 138—158; он же. О «Крестовых сестрах» А. М. Ремизова: поэзия и правда. Статья вторая // Уч. зап. Тарт. ун-та. Тарту, 1988. Вып. 822. С. 121—138; а также: *Данилевский А. А.* *A gelioribus ad realia.* С. 99—123.

²⁸ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 5, № 230, л. 2.

²⁹ Два слова вытравлены.

³⁰ РО ИРЛИ, ф. 79 (Крестовые сестры. Черновая рукопись), л. 46.

³¹ *Ремизов А.* Крестовые сестры // Альманахи издательства «Шиповник». Кн. 13.

С. 261.

³² РО ИРЛИ, ф. 79, л. 67.

³³ Примечательно, что анекдотический микро-сюжет о пирогах, изъятый из окончательного текста, впоследствии в измененном виде был использован Ремизовым в книге о Розанове: «Рассказывал и о каком-то батюшке, который потчужа гостей, говаривал: „Пирог, извините, с яцами“ <...> Бывало, в воскресенье придет к Розановым какой-нибудь батюшка и начнется разговор за чаем. И, конечно, высоким слогом. А В. В. меня ногой под столом, шепчет: — Извините, с яцами! / А сам покраснеет — губы кусает, чтобы не рассмеяться. Все батюшки делились у В. В. на Чернышевских-Добролюбовых и на таких — „с яцами“. И „с яцами“ ему были ближе. — Проще и без лукавства» (*Ремизов А.* *Кухня.* С. 91—92).

³⁴ РО ИРЛИ, ф. 79 (Крестовые сестры. Черновая рукопись), л. 68^a, 68^c. Фрагмент был вписан в качестве дополнения к сюжетной линии, связанной с историей учительницы Анны Степановны.

³⁵ С 1 по 30 июня Ремизов провел в санатории Волковой, что зафиксировано в его дневнике маршрутов и поездок (РНБ, ф. 634. № 3, л. 9). Находясь в санатории, писатель в письме И. А. Рязановскому от 14 июня сообщал: «Я по приезде сюда начал рассказ и все дни пишу его, хочется хоть начерно написать. Рассказ из Петербургской жизни: Крестовые сестры. Ведется от первого лица — человека склонившегося» (РНБ, ф. 634, № 31, л. 9—10).

³⁶ Далее следует вытравленный текст, начинающийся с зачеркнутого: «и с пользою», с вставкой над строкой: «а потому с опозданием».

³⁷ Вставка.

³⁸ Вытравленное слово.

³⁹ Вытравленное слово.

⁴⁰ Два предложения, без изменений повторенные в окончательном тексте.

⁴¹ РО ИРЛИ, ф. 79 (Крестовые сестры. Черновая рукопись), л. 65—66. Весь фрагмент обведен красным карандашом. Далее следует сохраненный в окончательном варианте текст, начинающийся словами: «Новой соседкой Маракулина оказалась Анна Степановна».

⁴² Вытравленные слова.

⁴³ РО ИРЛИ, ф. 79 (Крестовые сестры. Черновая рукопись), л. 97—98. Текст сна в рукописи перечеркнут карандашом, вероятно, в процессе работы над следующей редакцией.

⁴⁴ В квадратных скобках здесь и далее: варианты реплик, помещенные напротив каждой строки, которые были приписаны, вероятно, во время работы над третьей редакцией. Эти варианты практически без изменений утверждены в окончательном тексте.

⁴⁵ Слово, приведенное в квадратных скобках, написано сверху.

⁴⁶ РО ИРЛИ, ф. 79, л. 78.

⁴⁷ См.: *Ремизов А.* Крестовые сестры // Альманахи издательства «Шиповник». Кн. 13. С. 261.

⁴⁸ См.: прим. 14.

⁴⁹ О значительных отличиях разных редакций свидетельствует упомянутое выше письмо Ремизова к Рязановскому (см. прим. 28), из которого следует, что в первой редакции повествование велось от первого лица. В последующих редакциях нарратив осуществляется от третьего лица.

⁵⁰ Вытравлены несколько слов.

⁵¹ Слово, написанное над строкой.

⁵² РО ИРЛИ, ф. 79 (Крестовые сестры. Черновая рукопись), л. 133.

⁵³ *Ремизов А.* Крестовые сестры // Альманахи издательства «Шиповник». Кн. 13.

С. 242.

⁵⁴ См. работы В. Н. Топорова (прим. 27).

⁵⁵ Заметим, что даже эпизод с собакой «*Ревизором*», съевшей нос Станислава-контрорщика, упомянутый в обеих редакциях, является ремизовской парафразой произведений Гоголя.

⁵⁶ В 1912 г. восемь томов, выпущенных издательством «Шиповник» (1910—1911), были перепечатаны издательством «Сирин», выкупившим в 1912 г. право на издание «Сочинений» Ремизова. Книги были изданы под новой обложкой с указанием времени издания (1910—1912), портретом писателя работы М. В. Сабашниковой (Т. I) и сводным указателем первых публикаций, подготовленным автором (Т. VIII).

⁵⁷ Здесь и далее тексты произведений, включенные в макеты отдельных томов, представлены страницами ранних печатных редакций (в круглых скобках) и в соответствующей последовательности.

⁵⁸ Далее: Рассказы.

⁵⁹ Далее: Чортов лог.

⁶⁰ Российская государственная библиотека, ф. 386, карт. 100, № 15.

⁶¹ Впервые: под псевдонимом Н. Молдаванов и с названием «Плач девушки перед замужеством» опубликован в московской газете «Курьер» (1902. 8 сент., № 248); впоследствии включено в сб. «Чортов лог» (С. 268).

⁶² Книга была отпечатана в Типографии М. М. Стасюлевича (СПб. В. О. 5 линия, 28).

⁶³ Возможно, отсутствие первой части сборника связано с подготовкой в 1918 г. в издательстве «Сирин» одноименной книги «Русские женщины», в которую данный раздел вошел без изменений.

⁶⁴ Лист с названием главы отсутствует.

⁶⁵ Лист с названием главы отсутствует.

⁶⁶ Впервые: Северные цветы ассирийские. Альманах IV издательства «Скорпион». М., 1905. С. 70—72; под названием «Омель и Ён».

⁶⁷ Впервые: Там же. С. 72—73; под названием «Пёлэзница».

⁶⁸ Впервые: Там же. С. 76.

⁶⁹ Впервые: Прометей. 1906. № 1. С. 10; С. 262.

⁷⁰ Впервые: Северный край. Ярославль. 1903. 14 февр., № 42. С. 2; под названием «Кутыи войсы».

⁷¹ Впервые: Северные цветы ассирийские. Альманах IV. С. 74—75.

⁷² Впервые: *Ремизов А.* Чортов Лог и Полунощное солнце. Рассказы и поэмы. Сборник. СПб.: EOS, 1908. С. 264; под названием «Закливание ветра. I».

⁷³ Впервые: Северный край. 1903. 17 сент., № 244. С. 2; под названием «Ошка-Мошка» в цикле стихотворений в прозе «По весне северной».

⁷⁴ Освободившись из ссылки, Ремизов приехал в Херсон 19 июня 1903 г. и до 4 августа прожил в гостинице Лондонской. См. публикацию А. М. Грачевой писем А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву в наст. изд.

⁷⁵ См. датировку отдельных стихотворений в авторском указателе к «Сочинениям» (Т. VIII. «Азбуковник», «Временник». С. 291—304).

⁷⁶ В частности, см. отказ заведующего редакцией московской газеты «Курьер» в письме к Ремизову от 20 января 1903 г.: «Ваши „Черты“ <...> и „Кутыи-Войсы“ не пойдут» (РНБ, ф. 634, № 249, л. 19). В письме от 17 июля 1903 г. молодой писатель извещал П. Е. Щеголева, способствовавшего его первым литературным шагам: «Написал ряд картинок: „Сотворение мира“, „Кикимора“, „Бубыля“, „Икёта“, „Закливание Ветра“ под общим названием „Мир зырянский“. Пришло раньше, а куда их — пообсудите, написаны неразмеренным стихом» (РО ИРЛИ, ф. 627, № 1479—1610, л. 56).

⁷⁷ См. дарственную надпись писателя, обращенную жене — С. П. Ремизовой-Довгелло, на форзаце книги «Заветные сказы» (Волшебный мир Алексея Ремизова. Каталог выставки. СПб., 1992. С. 21).

⁷⁸ РНБ, ф. 292, № 23.

⁷⁹ Существует еще один список «Табака», хранящийся в Российском государственном архиве литературы и искусства (ф. 420, оп. 1, № 27; далее РГАЛИ) и отличный от фотоконии из архива Иванова-Разумника.

⁸⁰ Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову. С. 70.

⁸¹ Ср.: «Я трудился над перепиской моей повести: на больших листах полуустав с красными и голубыми заглавными буквами; к моим листам вложены листы с оригиналами рисунков Сомова. <...> перед отсылкой в Москву мой текст был сфотографирован В. Н. Ивойловым (Княжнин), он достал фотографический аппарат и увековечил. Негативы взял к себе П. Е. Щеголев, обещал сделать оттиски, да так

и не собрался, и памяти у меня никакой не осталось» (*Ремизов А.* Петербургский буерак. С. 76—77). Местонахождение оригинала этого списка не установлено.

⁸² Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову. С. 64.

⁸³ Возможно, создание этой обложки относится к началу 1917 г., когда Ремизов вел переговоры с книгоиздательством М. и С. Сабашниковых об издании книги «Русские женщины» с иллюстрациями С. Чехонина. После неудачи с этим проектом книга вышла в издательстве «Скифы» в оформлении К. Петрова-Водкина. На обложке обозначен 1918 г.

⁸⁴ РО ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, № 140. На л. 1 штамп: «Типография 1ой С.П.Б. Трудовой артели. 22 авг. 1914. Лиговская ул., 34».

⁸⁵ РО ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, № 360 (Фрагмент книги до 14 страницы).

⁸⁶ Письмо Иванова-Разумника М. Пришвину от 19 сентября 1919 г. (РГАЛИ. Фонд М. М. Пришвина). Тем не менее, несмотря на известные идеологические разногласия, в конце 1910-х—начале 1920-х гг. с обеих сторон предпринимались попытки наладить общение в письмах.

⁸⁷ *Иванов-Разумник.* Русская литература XX века (1890—1915 гг.). С. 36.